

Специальная педагогика

Раздел 1. История Специальной педагогики

ЛЕКЦИЯ №2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ЭПОХУ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

В силу своей биологической сущности человек никогда не был физически и психически неуязвимым и идеально приспособленным к жизни в окружающей среде — природной и социальной. Во все времена существовала определенная часть людей, ослабленных в силу возрастных (детство, старость) и индивидуальных (врожденные пороки развития, болезни, травмы и т.п.) особенностей, имеющих недостатки в физической, сенсорной, моторной, интеллектуальной сферах, которые делали их уязвимыми или даже беззащитными, зависимыми от помощи окружающих.

На протяжении всего периода развития цивилизации человеческое сообщество стояло перед необходимостью определять свое отношение к людям, отличающимся нетипичными формами физического состояния или социального поведения, и в соответствии с ним поступать, взаимодействуя с такими людьми.

Рассматриваемая часть социума требовала внимания к себе и из-за своей потребности в помощи, и как источник социальных зол (например, они могли быть причиной некомпенсируемой потери материальных средств общества, что порождало такие социальные проблемы, как нищенство, бродяжничество, преступность). Отношение к ним было детерминировано существовавшим в каждом обществе **этосом — системой устойчивых представлений о значимых для данного общества ценностях.**

Этос, или ценностная (аксиологическая) система координат, формировался под влиянием экономических, религиозных, нравственно-этических, идеологических воззрений, бытовавших в данном обществе. Следует отметить, что вплоть до наступления эпохи Возрождения в систему универсальных ценностей человек как личность, обладающая самостоятельной значимостью, включен не был. Его ценность, его жизнь, свобода и благополучие не измерялись столь высокой мерой, как это делается сейчас. Человек древности или античного мира в силу специфики своего мировоззрения, основанного на мифологии, при необходимости легко расставался с жизнью, не считая ни ее, ни самого себя высшей ценностью окружающего мира.

Средневековый человек также не ценил свою жизнь высоко, рассматривая пребывание на земле как временное, а свою физическую человеческую сущность — как брэнное, не имеющее особой значимости тело, ничтожное и греховное, временный приют (оболочку) на этом свете своей бессмертной души. Поэтому физическое уничтожение младенцев, имевших тяжелые физические дефекты, о котором нам известно из античной и более близкой к нам истории, не представлялось людям тех времен вопиющей жестокостью и кощунством.

В разные периоды развития цивилизации представления о физической и психической неполноценности человека, само их содержание были весьма различающимися. Чем более высоким становился уровень развития цивилизации, тем все более незначительные нарушения и отклонения оказывались предметом социального внимания, изучения и диагностики. Отчасти это объясняется тем, что в высокоразвитом обществе даже малозаметные расстройства препятствуют социализации, мешают соответствию тем требованиям, которые предъявляют к человеку и само общество, и все усложняющиеся виды профессиональной деятельности.

И наоборот, многие столетия назад, когда большинство населения выполняло примитивную физическую работу, было неграмотно, когда отсутствовало само понятие образования, а в основе мышления, объясняющего жизнь, лежала мифология, сообщество населения замечало лишь весьма грубые, доступные наблюдению дефекты физического или интеллектуального развития.

И вместе с тем, если человек не претендовал на избыточный социальный продукт (в тех общественных формациях, в которых он существовал), был в состоянии сам прокормить себя, общественное сознание не проявляло по отношению к нему агрессивности и нетерпимости.

Наблюдения за жизнью примитивных народов в отдаленных уголках Земли, до нашего времени сохранивших племенной образ жизни, позволили ученым-этнографам сделать вывод о том, что восприятие человека с ограниченными возможностями в примитивных (ритуальных) сообществах отличается глубоким своеобразием и не всегда однозначно связано с агрессией и нетерпимостью по отношению к ним. Это дает возможность с большой долей вероятности реконструировать отношения к таким людям, существовавшие в первобытном обществе.

Например, таким было с давних времен отношение к слепым, которые, будучи открытыми для общения, имели возможность самостоятельно прокормиться путем бродяжничества, пения, игры на музыкальных инструментах, простейших ремесел. Более того, согласно некоторым раннерелигиозным верованиям (мифологии), человек, лишившийся какого-либо органа чувств, части тела, какой-либо функции или отличающийся необычными формами поведения, оказывался в своеобразно благоприятном положении: он признавался как бы «отмеченным» таким образом высшими силами, которые «наложили на него свой знак» и через него (его голосом, его поведением) сообщали остальным людям свою волю, свои указания.

Подобный смысл содержался и в традиционном для Руси благожелательном, почтительном отношении к юродивым (характерен пример жившего неподалеку от Кремля юродивого Василия Блаженного, с которым, по преданию, «консультировался» Иван Грозный перед принятием государственных решений), уходящем корнями к дохристианским, языческим верованиям и представлениям.

Концепция аномальности, в отличие от принятой в современной, например европейской, культуре, где она свободна от конкретики и стала категорией социальной, в ритуальном обществе таковой не являлась. Человек с ограниченными возможностями, если его дефект не был несовместим с жизнью и он выживал (что в условиях примитивного общества было достаточно трудно), воспринимался аномальным только тогда, когда общество, в котором он жил, владело объективными приметами, индикаторами этой аномальности. Если их не существовало, то и человек не воспринимался «не таким, как все».

В то время как в современной европейской культуре показатели ограничения возможностей ориентированы на научную проверяемость, в древнем ритуальном обществе существовали свои индикаторы, которые коренились в мифах и религиозных убеждениях. Они признавались «отклонениями», если были различимы для каждого, либо их не выделял никто. Например, в некоторых африканских культурах, сохранивших многое от ритуального общества, своеобразие считалось дефектом, если оно было заметно. Если оно не обнаруживало себя, то и дефекта, или нарушения в развитии, не было. Так, речевое нарушение признавалось, если можно было увидеть какую-либо физическую деформацию, например, строения челюсти, губ.

В ритуальных обществах нарушение оценивалось негативно (что влекло за собой неприятие, отторжение, агрессию), если оно создавало для членов общества негативные переживания, нарушало установленные ритуалы, сложившиеся убеждения о природе человека, его социальном назначении в рамках данной культуры. Однако такие представления в разных ритуальных сообществах, разных культурах оказывались специфичными. Одинаковая информация о тех или иных дефектах или нарушениях категоризировалась по-разному, и это определялось культурно-ценностными ориентациями, этосом данного сообщества.

Так, человек с умственной отсталостью, исправно выполнявший несложные ритуалы, не нарушавший общепринятых в данном обществе рамок поведения, никогда не выделялся этим сообществом как нежелательный для него элемент. Более того, наличие в примитивном сообществе простых, доступных для освоения человеком с ограниченными возможностями социальных ниш (например, сборщик корней, пастух) позволяло таким людям вписываться в соответствующую культуру и проявлять социально одобряемое поведение. Этнографы отмечают, что чем позитивнее оценивались соплеменниками эти социальные ниши, тем благоприятнее оказывалось в таком социуме положение людей с ограниченными возможностями.

На ранних этапах развития человечества дети с физическими и психическими недостатками, если они выживали, также вовлекались в элементарные трудовые процессы, приучаясь занимать доступную им социальную нишу. В силу крайне низкого уровня развития производительных сил и культуры труда их пребывание совместно с остальными членами общины не создавало особых проблем (за исключением тех случаев, когда имели место тяжелые нарушения). Знания и опыт переходили непосредственно от одного поколения к другому, и первыми воспитателями детей выступали родители, передававшие им свои бытовые и трудовые навыки в процессе совместной деятельности

С усложнением трудовой деятельности и социальной жизни, с развитием языка и изменением верований, увеличением в человеческих сообществах количества членов, не способных к добыче или производству пищи и материальных благ, неизбежно усиливалось отчуждение от остальных людей тех, кто обладал сенсорными, интеллектуальными и особенно телесными нарушениями. Не имея возможности участвовать в добывании пищи, они должны были умереть или погибали сами.